

Стилистическіе опыты. □

Въ стихахъ и прозѣ.

Надоѣло мнѣ, за сорокъ лѣтъ, писать все свое да свое. Семь-ка я попробую воровать у другихъ?!

И, для перваго дебюта — у:

И. А. Бунина.

И цвѣты, и шмели, и трава, и ко-
лосья, —
Эмигранты вцѣпились другъ другу въ волосы!
И лазурь, и полуденный зной, —
Монархисту эсь-эрь мѣтитъ «въ рожу» слюной!
Монархистъ оплеванья, конечно, не сноситъ,
Грязи въ руку набралъ и вотъ-вотъ сейчасъ
бросить,
Смѣновѣховець хрюкаетъ — голосъ свиной...
Срокъ настанетъ — Господь сына
блуднаго спроситъ:
— «Быль ли счастливъ ты въ жизни
земной?»

— Отвяжись, Боже мой!

А. М. Ремизова.

Марында.

Жила-была Марында. Пестрядинный сарафанъ, раскосая. Скокъ-поскокъ. Черномочнымъ моргаломъ зиркала. Куда скакнетъ, тамъ и намарындить.

Спрашивалъ Марынду Людосвинъ, что подъ печкой въ сору рыломъ рылить:

— Скажи, Марында: зачѣмъ ты марындишь?

Анъ Марында и не знаетъ, зачѣмъ она марындить.

— Марындю, говоритъ, да и все тутъ! Тебѣ-то что?

Такъ Марында марындила да марындила, пока совсѣмъ не замарындилась.

Ну, и вышло марындовато.

Поминалъ Людосвинъ Марынду блинами изъ сажи.

Андрея Бѣлаго.

Изъ неизданнаго романа.

„Толя руки въ боки“.

Запрыгалъ, завихрился Шопенгауэромъ, Нитцше этакимъ, — ага, Толька! сколько будетъ семью девять? То-то! кувырокъ архангельскій — хлопъ! хлопъ! а на это похоже? (Отъ Сократа до блохи-то — всякій!) Віхрапнуло, минуло, кивнуло... тѣфу! брысь! Плакала дегтемъ рябая фея въ розовомъ туманѣ, одна ноздря, а спины нѣтъ, — человѣчьей кожей чулки штопая, пѣла «Иже херувимы», а выходилъ «Интернаціональ». Гу-гу-гу! загудѣло въ трубѣ изъ Баха: чортова дѣтяшка-четверяшка-чеверяшка тутъ, какъ тутъ! Мотался Толя по крышамъ отъ

Гороховой до Лубянки, заглядывалъ въ трубы печей нетопленныхъ, плевалъ, мыслилъ: — Ежели кубическій корень изъ бытія = $(a + b)$, помноженнымъ на Апокалипсисъ, да изъ произведенія вычестъ Новѣйшій Русскій Сонникъ... — чикъ-чикъ-чикъ! капъ-капъ-капъ! — тутъ премудрость!.. А? что? Сократъ? Блоха? Ха-ха-ха! Нѣтъ, ты попробуй, полежи въ пирамидѣ съ Тутанкаменомъ!.. Велико, глубоко!.. Дразнилъ Толю бѣсъ величіемъ Божества, ухмылялся, шельма, плуть, провокаторъ продувной, предвѣчно подмигивалъ: пойдѣмъ къ дѣвочкамъ!.. Э! въ коминтернъ, такъ въ коминтернъ!.. Пили. Плакали. Слушали изъ Баха... Согналъ Толя щелчкомъ чортика съ рукава, глядя: Избаха рядомъ сидитъ... красавица! Рябая, одна спина, а ноздри нѣтъ, изъ глазъ деготь, поетъ «Интернаціональ», а выходитъ «Иже херувимы...» хороша! Заржалъ Толька: Избаха! милая Избаха покажи твой логариѣмъ!.. И былъ мартобрь вихревой, неразгаданный, неописуемый...

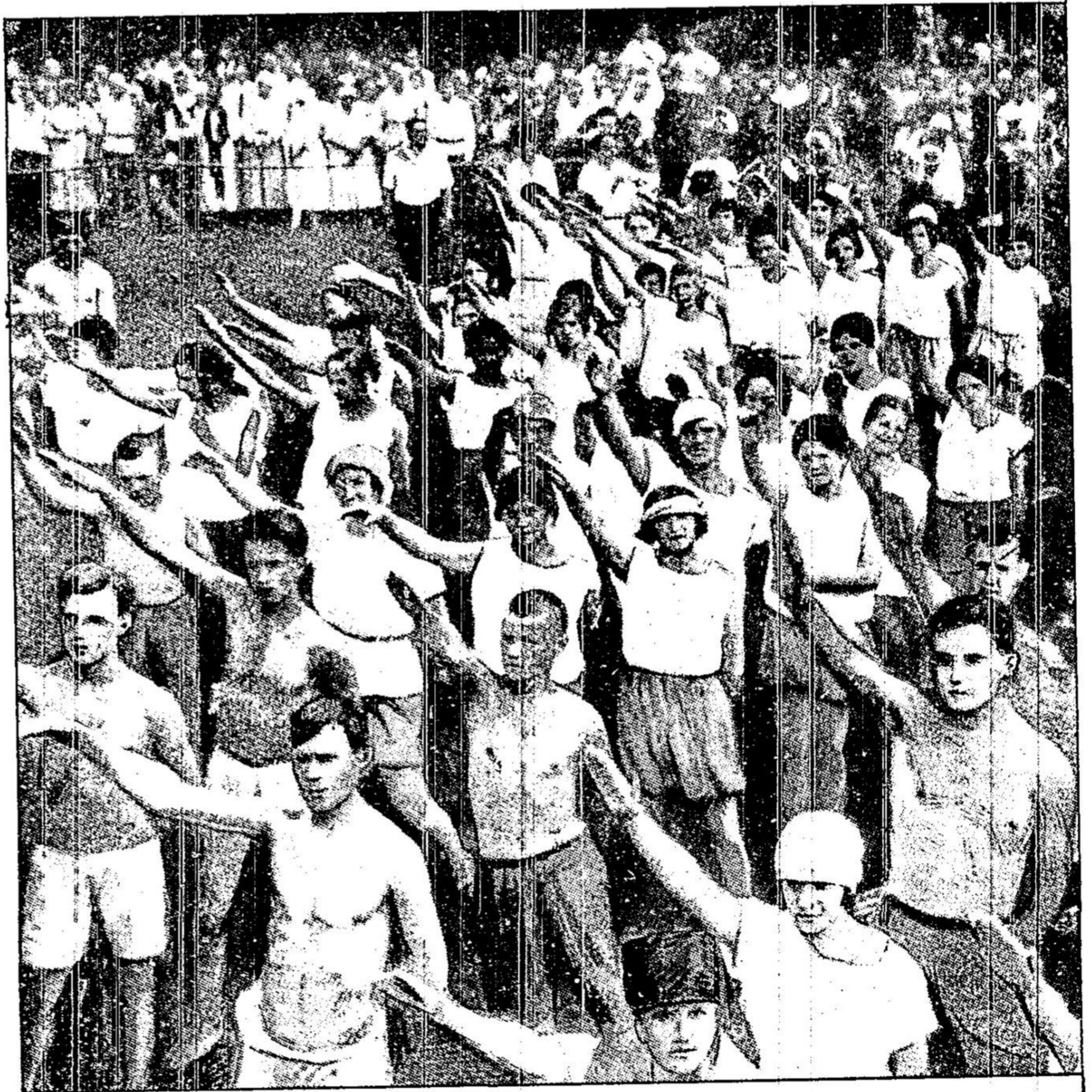
К. Д. Бальмонта.

Ни жареныхъ ежей, ни запеченныхъ
цапель

Я никогда не ѣлъ: есть блюда повкуснѣй...
Валеріановыхъ принять мнѣ, что ли, капель?!
Быть можетъ, и стихи пойдутъ тогда складнѣй.

Будетъ! Хорошенькаго понемножку. Обокралъ четверыхъ — и довольно. Прекращаю воровство и, раскаянный, возвращаюсь на путь добродѣтели.

Александръ Амфитеатровъ.

Московскій Комсомоль — прикрытый чутъ не однимъ фиговымъ листомъ — привѣтствуетъ съѣздъ Коминтерна.